

УДК 821.161.1

**ТРАГЕДИЯ И ФАРС ТОТАЛИТАРНОГО ЧЕЛОВЕКА
В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»**

Ключевые слова: тоталитарный человек, социокультурная реальность, ценности, «двоемыслие», социальная тотальность, символ.

В статье рассматривается фигура «массовидного», «тоталитарного» человека, его модус в советской социокультурной реальности 20–30-х годов XX века в повести М. Булгакова «Собачье сердце». Показано, что «тоталитарный человек» основательно интегрирован в изобразительную ткань литературных произведений 20–30-х годов прошлого века. Раскрыты основные бытийные аспекты трагедии и фарса человека системы тоталитарного общества, где индивид вполне естественно воспринимает собственное «двоемыслие». Охарактеризован главный герой повести в контексте текстового анализа «генотипа тоталитарного человека», с выводом о том, что отказ от тоталитарного общества начинается с ревизии ценностей, доминирующих в нём и определяющих динамику прогресса или упадка социума, генерирования нового порядка или нового хаоса.

В странах постсоветского пространства, где периоды кризисов и взлетов хаотически сменяются, где этиологически актуализируются проблемы ценностей, определяющих нормы поведения человека в обществе и его политические модусы, активно возрастает интерес к литературным произведениям, в которых в центр повествования выдвигается фигура «массовидного», «тоталитарного» человека, сущность которого – в унификации личности, дессипации неповторимости, уничтожении в нём уникального индивидуального начала. Необходимость основательной ревизии мировоззренческих идеалов обуславливают неизбежность и закономерность поиска принципиально новых подходов к решению проблем соотношений в триаде человек – общество – культура, определяющих сущность человека и смысл его бытия в мире.

Поскольку статус человеческой жизни является основой современной системы политических идей и ценностей общества, возникает потребность в постоянном обновлении философских взглядов на человека, адекватных современной социокультурной реальности. В разные периоды истории писателями разных стран предпринимались, с разной степенью успеха, попытки найти ответы на вопросы о месте и роли человека в мире, его исторического предназначения, планетарной миссии, смысле существования, а также о том, каким образом прошлое, настоящее и будущее детерминируют характеристики бытия человека, степень его взаимосвязи с окружающим миром и пределы индивидуального выбора.

В процессе культурного функционирования смысл, заключённый в тексте литературного произведения, подвергается трансформациям, дополнениям и переработкам, в результате которых происходит амплификация смысла. Текст становится своего рода символом памяти культуры: «Способность отдельных текстов, доходящих до нас из глубины культурного прошлого, реконструировать целые пласты культурного прошлого, восстанавливать память наглядно демонстрируются всей историей культуры человечества» [4, с. 82].

Следует отметить, что «тоталитарный человек» довольно плотно интегрирован в изобразительную ткань литературных произведений 20–30-х годов прошлого века. При этом понятие «тоталитарный человек» в указанные годы не имело широкого распространения в научном и философском дискурсе. Только в последние годы феномен тоталитарного человека стал объектом научного исследования в контексте, в частности, антропологических концепций. Ключевым признаком тоталитарного человека является то, что он не принадлежит самому себе: каким бы ни был его социальный статус, индивид существует только как элементарная единица всеохватывающей социальной тотальности. Жизнь тоталитарного человека – это принципиально обезличенное существование, которое не признает никакой персональной автономии, самоопределения личности и её самореализации. Тоталитарный человек не является личностью *per se*, он не ориентируется в своих жизненных проявлениях на собственную волю, принимая в качестве личностных общепризнанные интенции, нормы и пожелания, рассматривая их как факторы собственного поведения, которые приняты имплицитно «высшей волей» и не подлежат обсуждению. Даже те максимы, с которыми тоталитарный человек солидаризируется, он принимает как персональные конгениальные не потому, что они избираются его сознанием, а потому, что являются проекцией высшей истины, представляют собой воплощение некоей ультраперсональной, деиндивидуализированной, общественной воли.

Советский Союз 20–30-х годов XX века – это общество, подчинённое императиву тотальности, где каждая социальная роль коннотирована с конкретным комплексом функций и благ,

«...создавая своего рода гарантированную ячейку в общем иерархическом порядке, пронизывающем все общество... которое существует не как система отношений, трансформирующихся в зависимости от изменения исторических условий, а как единый многоуровневый, иерархизированный уклад общественной жизни. Господство такого тотального общественного порядка нивелирует социальную активность вне его рамок, а также сводит социальное самоопределение конкретного человека к стремлению занять ту или иную нишу в социальной иерархии» [2, с. 181].

Человек в системе тоталитарного общества становится носителем определенного социального статуса, внешнее оформление которого обеспечивается комплексом материальных и социальных благ, воплощение которых обеспечивает интеграцию человека в сверхсложную иерархическую систему, где каждому уготовано своё место. При этом жёстко структурированное общество провоцирует дуализм социального статуса – каждый человек в одно и то же время является для индивида с более низким статусом руководителем или распорядителем, а для носителя высшего статуса – подчинённым, исполнителем. В подобной ситуации человек системы перестаёт быть личностью, отличительным качеством которой признаётся свобода воли, наличие некоего «внутреннего закона», пространство для реализации которого в тоталитарном обществе сжимается до временного (особенно актуально в 30-е годы прошлого века!) пространства его физической свободы. В период 20–30-х годов XX века в Советском Союзе были созданы сверхмощные структуры массового контроля, мобилизации, репрессий, целью которых было создание так называемого «человека нового типа» – полностью огосударственного индивида, готового беззаветно служить властному аппарату, отождествляя себя с его символами.

Политическая нестабильность тоталитарного общества, разбалансированность экономики, противоречивость социальных процессов и, как результат – низкий уровень жизни подавляющего большинства населения, неопределённость жизненных перспектив, что существенно подрывает авторитет государства и тех, кто его олицетворяет. В тоталитарном обществе социальный опыт имеет амбивалентный характер: как позитивные так и негативные составляющие социального опыта принимаются «на веру», без критического осмысления, в условиях генерализованной деструктивной конгениальности. Общество в таких условиях безусловно (по крайней мере, внешне) принимает модель социума, поддержка которого манифестируется всеми имеющимися способами – вплоть до безудержной карнавализации всех проявлений общественной жизни: от массовых праздников до коллективных посещений судов над «врагами народа». Для человека в системе тоталитарного общества его роль нивелируется до функции «винтика» в удобной для правящей вертушки политической машине; народ в такой ситуации превращается в массу, которая, по выражению К. Ясперса «...лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почв – она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живёт на самом низком уровне сознания» [5, с. 143].

Человек системы тоталитарного общества живёт в гротескном пространстве трагедии и фарса – он вполне естественно воспринимает собственное «двомыслие» (по Дж. Оруэллу), когда под лозунгом подавления какой-либо «инаковости» беззаветно покоряется высшей воле предписаний, циркуляров, директив, указов и распоряжений. Но тот же человек, если он не поглощён безнадежно идеологическим Молохом, если его душу не подавила экспансия тоталитарных идей, установок и представлений, внутренне сопротивляется цинизму и жестокости беспощадной реальности, в которой «жить стало лучше, жить стало веселее». Тоталитарный человек – это двуликий Янус своей эпохи, но у него не только два лица, у него две головы – вспомним ночных Мыслителей из «чонкиниады» Войновича. Есть у тоталитарного человека страх, есть безнадежность и отчаяние, но есть и живое сердце, остаётся жизнь – убогая, обывательская, «негеройская», но над этой жизнью присутствует вечное Нечто.

Образ человека тоталитарного общества довольно популярен в русской советской литературе периода первых послереволюционных лет (речь идёт о событиях 1917 года) и далее – 20–30-х годов минувшего века. Достаточно вспомнить имена И. Бунина, В. Набокова, Е. Замятина, А. Аверченко, А. Платонова, П. Романова и многих других. Необычайно ярко и разнопланово образ тоталитарного человека нашел отражение в повестях и рассказах М. А. Булгакова, таких как «Ханский огонь», «Неделя просвещения», «Похождения Чичикова», «Дьяволиада», «Роковые яйца» и конечно же в повести (*чудовищной истории*, по определению самого автора) «Собачье сердце», увидевшей свет в 1925 году. Ключевой интригой организации сюжета повести становится чудесное превращение бездомной собаки в человека как результат медицинского эксперимента профессора Преображенского. В своей «чудовищной истории» Булгаков разворачивает широкую галерею образов тоталитарных людей – это сам «экс-собака» Полиграф Шариков, гротескная группа активистов домоуправления во главе с одиозным Швондером, вселенные в господский дом «певуны»-пролетарии, любопытствующие уличные зеваки, представители молодой советской власти.

Ставший человеком Полиграф Шариков – социально-биологическая химера, фантазмагорический гибрид собаки и «социально-близкого» пролетария, с первых дней «очеловечивания» обна-

руживает мощный генотип тоталитарного человека – Клима Чугункина, донора человеческих качеств нового организма: уголовника, маргинала, алкоголика и балалаечника-любителя. Поселившись в квартире Преображенского, Шариков (реинкарнация Чугункина) пытается, на правах представителя победившего класса, учить жизни профессора и его ассистента Борменталья, представителей так называемых «бывших». Для тоталитарного человека характерно коммунальное мышление: Полиграф Шариков предлагает «всё отнять и разделить», укоряет Преображенского в том, что тот «один расселся в десяти комнатах», утверждает себя в чужой квартире «на шестнадцати аршинах» на основании официальной бумаги, которая свята для него и должна, по мнению Шарикова, быть таковой для всех остальных. Тоталитарное общество по-своему реагирует на слухи о появлении Шарикова (якобы марсианина): «Что в Москве творится – уму не постижимо человеческому. Семь сухаревских торговцев уже сидят за распространение слухов о светопреставлении, которое навлекли большевики... Какие-то жулики уже читают лекции» [1, с. 501]. В тоталитарном обществе не запрещены сенсации, но при условии, что они не противоречат идеологическим догмам, партийным установкам и насаждаемой императивно пропагандистами морали.

Для тоталитарного человека очень важно быть «как все» – это его сверхзадача, своего рода *maxima negotia*; Полиграф Шариков в ответ на критику своего внешнего вида искренне недоумевает: «Что я, хуже людей?», ведь он – член социума, хотя и вынужденно изолированный от общества. Мятёжное сознание человека-собаки не терпит каких-либо норм, правил, ритуалов: «Что вы всё... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что ж это на самом деле. Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?!» [1, с. 505]. Максимальная простота бытия – на уровне безусловных рефлексов – полностью устраивает тоталитарного человека, социальная жизнь в случае личной необходимости («человечек возвёл глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу» [1, с. 505]) интегрирует его в поток событий с помощью готовых, заранее подготовленных свыше схем, оформленных максимально просто и доходчиво. Кто не с нами, тот против нас – с такой максимой тоталитарный человек готов ненавидеть всех, кто отличается от него – интеллектом, культурным уровнем, ценностными предпочтениями, политическими взглядами, отношением к религии. Шариков патетически произносит: «Какие уж мы вам товарищи! Где уж! Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными не жили. Только теперь пора бы это оставить. В настоящее время каждый имеет своё право...» [1, с. 505–506].

Как видим, Булгаков как писатель, отнюдь не претендующий на морализаторство, умышленно вкладывает в уста Шарикова тезис о праве для каждого в Советском Союзе – в тоталитарном обществе, где становилось всё меньше пространства для человека и его взаимоотношений с миром. Вероятно, это не случайно – в 20–30-е годы минувшего века необычайно отчётливо проявился примат материальных ценностей над духовными, генерирующий яркие признаки духовно-нравственной деградации, ревизии культурных ценностей, с подменой их ценностями сугубо утилитарными, сакрализация которых неизбежно приводит к моральному декадансу и проявлению самых тёмных сторон человеческой природы. Тоталитарный человек не отягощён культурными запросами – Шариков, типичный представитель *homo totalitaris*, отвергает и литературу, и театр: он поклонник примитивных, ярких зрелищ, например – балалаечных концертов в пивной или цирка в самом непритязательном его воплощении. Хоровое пение, чтение газет вслух, скандирование по команде, коллективное обличение являлись чрезвычайно конгениальными тоталитарному обществу – массу представителей *homo totalitaris* легко настроить на нужную политической власти волну: достаточно скомандовать – и миллионы безликих будут согласованно петь панегирики «святоликим» или требовать смерти для таких же безликих. 20-е и 30-е годы прошлого века памяты такими манифестациями в ходе судебных процессов по «делу церковников» (1920 год), «делу социал-революционеров» (1922 год), «делу Промпартии» (1930 год) и тысяче подобных средневековых по эмоциональному оформлению судилищ. Бесконечные проявления поддержки, энтузиазма и солидарности, иницилируемые и поддерживаемые властью, доводят повиновение и смирение масс до безусловного рефлекса, до автоматизма, аннигилируют стремление к свободе, самопроявлению и самоуважению.

По нашему мнению, в современном мире «...репрезентуется высший экзистенциальный выбор человека, который не имеет количественной экспликации, предлагая наброски превалирующих идентификационных моделей окружающего мира, в которых оформляются представления о желаемом типе пространства бытия, параметры которого носят скорее характер символов, нежели эмпирически фиксированных контуров мировосприятия» [3, с. 16]. Соответственно, рецессия относительно тоталитарного общества начинается с ревизии ценностей, доминирующих в нём и определяющих динамику прогресса или упадка социума, генерирования нового порядка или нового хаоса.

Литература

1. Булгаков М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков // Избран. произв.: в 2 т. Т.1. – К.: Дніпро, 1989. – С. 454-756.
2. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Научн. ред. проф. И. И. Кальной, доц. А. В. Горбань. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2011. – 648 с.

3. Костючков С. К. Ценностная сфера личности как феномен бытия: социально-философская интерпретация / С. К. Костючков // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: матер. межд. научн.-практ. online-конф., Витебск, 6 декабря 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М. А. Слемнев (гл. ред.) и др. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – С. 15-17.
4. Лотман Ю. М. К современному понятию текста / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.
5. Ясперс К. Истоки истории и её цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 28-287.

S.K. Kostyuchkov
Kherson State University
e-mail: kosser.63@ukr.net

The tragedy and farce of a totalitarian man in the novel of M. Bulgakov «The Heart of a Dog»

Key words: totalitarian man, sociocultural reality, values, «doublethinking», social totality, symbol.

The article discusses the figure of a «massive», «totalitarian» man, his modus in Soviet sociocultural reality of the 20–30s of the XX century in M. Bulgakov's novel «The Heart of a Dog». It is shown that the «totalitarian man» is thoroughly integrated into the graphic fabric of literary works of the 1920s and 1930s. By the author are revealed the main existential aspects of the tragedy and farce of a person in the system of a totalitarian society, where the individual quite naturally perceives his own «doublethink». The main character of the story is described in the context of a text analysis of the «genotype of a totalitarian person». Concluded that the rejection of a totalitarian society begins with an audit of the values that dominate it and determine the dynamics of progress or decline of society, generating a new order or new chaos.

Е.В. Крикливец
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: kriklivec@mail.ru

УДК [821.161.1+821.161.3]-31.09

ЛИРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, жанрово-стилевая модификация, повесть.

В статье раскрываются причины и специфика семантической и морфологической трансформации лирико-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Развитие лирико-психологической повести пришлось на середину 1950-х – начало 1970-х годов и было обусловлено изменением авторских подходов к художественному осмыслению военных событий и послевоенной действительности.

Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение «советской сверхличности», сменяется попыткой изображения реального человека и его внутренних переживаний (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», Г. Бакланов «Пядь земли», В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Белов «Привычное дело», В. Шукшин «Калина красная», В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Мёртвым не баліць», И. Пташников «Лонва», «Тартак», «Іллюк Чачык», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат» и др.).

Переход от нормативной эстетики к объективному отражению жизни и психологизации повествования осуществлялся в 1950-е годы в военной литературе в контексте «окопной» прозы. В повестях такого типа, как правило, преобладает трагический модус художественности. Драматизм произведений усиливается еще и тем, что хронотоп лирико-психологической повести в большинстве случаев ограничен несколькими сутками (одним боем) и масштабом окопа (батареи, роты), что приводит к максимальной напряженности сюжета. И если «авторы военных повестей конца 1950-х годов еще оглядывались на привычные конструкции военного романа начала десятилетия с его тенденцией к панорамности и событийности» [2, с. 74], то конфликт лирико-психологической повести в военной прозе 1960-х годов – это отражение ситуации наивысшего духовного напряжения, поставившей героя перед нравственным выбором (В. Астафьев «Звездопад», Г. Бакланов «Мертвые сраму не имут», Б. Васильев «А зори здесь тихие», В. Быков «Жураўліны крык», «Здрада», «Пастка», И. Шамякин «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», И. Пташников «Тартак» и др.). Итогом этого выбора становится духовная победа или духовная гибель героя.

В таком разрешении психологического конфликта ощутимо наследие соцреализма с его стремлением к четкой дифференциации героев на положительных и отрицательных, на «идеологически